В. Ю. Даренский

IMPERIUM ХРИСТИАНСТВА В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В истории культуры религиозное мировоззрение (или – не в меньшей степени – его отрицание) всегда были и будут одним из ключевых факторов формирования социокультурных и политических доктрин, стремящихся к конкретно-исторической реализации. В условиях доминирования постмодерного релятивизма и как следствие – мировоззренческого вакуума в массовом сознании – решающее значение приобретает восстановление культурной преемственности с традициями, в свое время сформировавшими устойчивую социокультурную идентичность нации, включавшую в себя позитивное религиозное мировоззрение и эффективное политическое сознание. Особое значение в этом отношении приобретает классическое литературное наследие, поскольку в нем эти позитивные элементы сохраняются не в виде абстрактных формул, а в виде живых, опытно постигаемых и жизненно переживаемых истин. Для восточнохристианской цивилизации такое значение имеет творчество многих представителей русской классической литературы, но особое место среди них, безусловно, принадлежит Ф.И. Тютчеву.

Одним из наименее осмысленных аспектов поэтического мира Ф.И. Тютчева до сих пор остаются его стихотворения историософского и социально-политического содержания. Это связано, в первую очередь, с определенными идеологическими предрассудками большинства исследователей его творчества, для которых эти стихотворения казались выражением так наз. “реакционного мировоззрения” поэта. Вместе с тем, совершенно очевидно, что художественный мир поэта такого масштаба как Ф.И. Тютчев не может не обладать глубокой внутренней целостностью и органической взаимосвязью всех своих составляющих – и, стало быть, его “вершинные” творения, давно признаваемые гениальными, основаны на том же самом глубинном мировосприятии, что и стихотворения указанной тематики.

До настоящего времени наиболее значимые исследования названной темы принадлежат не литературоведам, а философам. В частности, следует указать на работы Георгия Флоровского “Исторические прозрения Тютчева” и “Тютчев и Владимир Соловьев”. В них исследован “православный империализм Тютчева” (термин О. Г. Флоровского). По утверждению этого автора, “можно без преувеличения сказать, что Тютчев – ключ к Достоевскому, поскольку речь идет об историософском предвидении” [1]. Николай Бердяев в работе “Русская идея” акцентировал внимание на государственном идеале Ф.И. Тютчева, отразившемся и в его поэзии; в частности, этот философ утверждает, что “У Тютчева было целое

обоснованное теократическое учение, которое по грандиозности напоминает теократическое учение Вл. Соловьева” [2]. Из новейших авторов, специально уделявших внимание этой теме в рамках академического дискурса, в первую очередь, следует назвать В.В. Кожина, ряд утверждений которого будет приведен ниже. Задачей данной статьи является краткое рассмотрение экзистенциальных предпосылок историософской и социально-политической поэзии Ф.И. Тютчева, позволяющих понять ее глубинную связь с его лирикой. “Ключем” к этой проблеме, по нашему мнению, которое будет обосновано далее, является понимание феномена Ф.И. Тютчева как “поэта Империи”, т.е. как поэта, выразившего особый опыт имперской истории и культуры.

Империя как высшая историческая форма бытия нации является не только феноменом политическим, социально-экономическим, военным и локально-цивилизационным, но и феноменом духовно-экзистенциальным. Последний составляет антропологическое основание всех остальных, поскольку без культивирования определенного человеческого типа, который может быть назван имперским, создание любых имперских политических, экономических, цивилизационных и других структур является в принципе невозможным. Он является их живым носителем, который иначе и не мыслит свою историческую и нравственную самореализацию. В свою очередь, разрушению этих структур, падению великих империй всегда предшествует иссякание и почти полное исчезновение этого человеческого типа. Современный кризис подлинной имперскости является, в первую очередь, культурно-антропологическим кризисом, кризисом определенного экзистенциального типа человека, способного к великим историческим свершениям, конечным выражением которых всегда являлось создание имперской государственности и имперского типа культуры.

Для обозначения того особого культурно-экзистенциального типа, который назван человеком Империи, а точнее, глубинного источника его культурно-психологического своеобразия, на наш взгляд, удачным является термин “экзистенция Империи”, предложенный А.Н. Окарой. По определению этого автора, “Империя – это прежде всего... манифестация какой-либо универсальной глобальной истины... Любая традиционная империя утверждает тот или иной героический сверхчеловеческий идеал... осознает уникальность своей исторической миссии, имеет эсхатологическую перспективу и манифестирует свои трансцендентные устремления” [3]. Исходя из данного определения в качестве базисного, в настоящей статье предпринимается попытка его углубления и конкретизации в ходе осмысления творчества одного из великих представителей русского имперского сознания – Федора Ивановича Тютчева, гениальность которого как поэта и как политического мыслителя не ставится под сомнение даже самыми радикальными русофобами и ненавистниками Империи.

Этимологически слово *imperium* обозначало область распространения чьей-либо воли; соответственно, слово *imperator* первоначально применялось к удачливым военачальникам, обладавшим особой волевой харизмой. Перенос этой терминологии в намного более широкий контекст, для обозначения особого типа государственного устройства и правления, был связан с необходимостью отличить

их от обычных государственных образований типа полисов и небольших царств, представлявших собой, по сути, просто самоорганизацию местных территориальных общин по отношению к ним совершенно избыточен; это образование, не связанное напрямую с достижением каких-либо прагматических выгод для ее населения (хотя впоследствии они оказывались очень существенны, и для провинций не менее, чем для метрополии), это, в первую очередь, деяние чистой воли, проявление исторической свободы личности и народа, действующих за пределами естественной необходимости, движимых принципиально непрагматическими, ценностными мотивами. (Поэтому глубоко закономерно, что именно империи были создателями новых форм свободы в обществе и культуре: преодоление рабовладения в Римской Империи; институты прав личности, созданные в Британской и Французской Империях, наконец, самое глубокое раскрытие духовной свободы в русской литературе и философии). Человек Империи, как таковой, никогда не действует, исходя лишь из естественной необходимости и выгоды, но в первую очередь – из чувства долга, из императива наполнения жизни новым ценностным содержанием. Поскольку же императив (понятие, однокоренное слову империя) всегда универсалистичен, то имперское деяние стремится охватить всю Ойкумену. Еще в античную эпоху формируется человек Империи именно как особый экзистенциальный тип, о котором А.Ф. Лосев писал следующим образом: “Мелкие полисы объединялись в огромные монархические организации... а для обслуживания такой разросшейся государственной системы понадобилась и тонко развитая личность”. Но “однажды вызванная к жизни новой общественно-экономической основой личность уже не могла ограничиваться только государственными функциями. Она тут же начинала углубляться уже в свое собственное, чисто субъективное самочувствие”. И чем больше развивалась имперская государственность, “тем больше крепили углубленная и утонченная лирика и весьма изощренный эстетический вкус. При этом, как всегда, лирики презирали государственных дельцов, а эти последние ставили ни во что лириков; а тем не менее те и другие были продуктом одного и того же развития..., требовавшего для себя уже не наивной, но глубоко развитой человеческой личности и активного самоутвержденного субъекта” [4]. Древний Рим породил своего имперского по духу поэта – Вергилия, глубоко осмыслившего особое призвание римского народа и выразившего имперский дух всемирного по размаху деяния в “Энеиде” (“Пусть другие тоньше выкуют дышащую бронзу, живыми выведут облики из мрамора, лучше будут говорить речи, тростью расчертят движение небес и предскажут восходы светил – ты же, римлянин, помни державно править народами, и будут искусства твои: налагать обычаи мира, щадить покоренных, а заносчивых смирать оружием” (Эн. VI, 847-853)). Как пишет М.Л. Гаспаров по поводу цитированного отрывка, “Эти слова замечательны: поэт говорит о Риме, но в поле его зрения – весь круг земной... Эгоцентризма (на этот раз национального) нет и здесь. Римляне – народ избранный, но не потому, что он лучше других, а потому, что он способнее поддерживать мирное единство всех остальных народов” [5]. В свою очередь, в Ф.И. Тютчеве эти выделенные А.Ф. Лосевым два продукта имперской государственности – политик и лирический поэт – объединились в одной

личности (это происходило и у А.С. Пушкина, но ранняя смерть помешала ему вполне проявиться как государственному мужу).

Обстоятельством, усугубляющим актуальность нашей темы, является факт доминирования так называемого “черного пиара”, направленного на дискредитацию имперского прошлого России, в основной массе СМИ и системе гуманитарного образования. Если так обстоит дело в самой России, то в ее бывших провинциях – Украине, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, а также в странах Восточной Европы – антиимперская русофобия фактически является государственной идеологией, внушению которой легко поддаются и сами русские, живущие там. В основе этого “черного пиара” лежит, в первую очередь, создание лживо-карикатурного образа человека Империи, изображаемого в виде агрессора и захватчика, якобы привыкшего к рабству, не имеющего представления о свободе и желающего сделать такими же и окружающие его народы. Важнейшим источником познания имперского народа и личности являются великие культуры, созданные их представителями, в частности, художественная литература. Все великие литературы были имперскими литературами: они выражали тот же самый подвижнический дух, который двигал создателями великих государств. Этот факт столь очевиден, что не требует специальных доказательств.

Как правило, отражением имперского сознания Ф.И. Тютчева в его поэзии считаются произведения, написанные “на злобу дня”, являющиеся непосредственным откликом на важные исторические события, происходившие при его жизни. Особенно значительным в этом отношении является стихотворение, обращенное к либералу и тайному ненавистнику России К.В. Нессельроде (“Нет, карлик мой, трус беспримерный...”), касающееся известного “вопроса о проливах”, который для России был вопросом не только геополитическим, но и вопросом духовным – вопросом о наследии Византии, о судьбе Константинова Града, а значит, и вопросом о предназначении России, воспринявшей преемство Православного Царства. В этом стихотворении есть слова: *“То, что обещано судьбами / Уж в колыбели было ей / Что ей завещано веками / И верой всех ее Царей... / Венца и скипетра Византии / Вам не удастся нас лишить! / Всемирную судьбу России – / Нет, вам ее не запрудить!..”*

Это однозначное указание на *всемирную судьбу*, которая вместе с тем обещана “в колыбели”, не может возникнуть в качестве простого обобщения исторического пути, сделанного “задним числом”, но, в первую очередь, является проявлением особого типа исторического сознания, свойственного только человеку и поэту Империи. При другом типе этого сознания никакой всемирной судьбы с колыбели у России узреть невозможно – но не потому, что его нет, а потому, что для этого требуется особый орган видения и понимания исторических фактов и явлений, особая экзистенция целостной личности, этот орган и это видение формирующая. Это и есть экзистенция Империи в ее индивидуальном проявлении, отсутствие которой делает человека поистине слепым по отношению к самым глубоким и самым важным смыслам истории своей нации и человечества в целом. Такая слепота по отношению к историческому бытию России как Империи была свойственна очень многим российским поэтам, что особенно проявилось в их

текстах, появившихся в 1905 и 1917 годах. На этом фоне имперское поэтическое мышление Ф.И. Тютчева, как и ранее А.С. Пушкина, становится понятным во всем его величии и благородной исключительности.

Однако, ограничение внимания только на “политических” стихотворениях Ф.И. Тютчева для понимания его как поэта Империи является глубоко ошибочным. Во-первых, такое ограничение дает возможность идеологам русофобии утверждать, что эти стихотворения – якобы, не более, чем “дань предрассудкам времени”. Ложность последнего тезиса не требует особых доказательств, поскольку в “политических” стихотворениях Ф.И. Тютчев высказывал отнюдь не ходячие предрассудки, но глубоко выстраданные и продуманные личные мысли, изложению которых он посвятил свои публицистические труды. Но с другой стороны, нельзя не присоединиться ко взвешенной позиции В.В. Кожина: “Все это именно зарифмованные “лозунги” или краткие публицистические статьи в стихах, и их собственно художественная ценность в сравнении с основными творениями поэта, прямо скажем, весьма невелика. Вместе с тем, в отдельных стихах этого типа Тютчев – быть может, даже невольно – поднимался над “прикладной” целью и создавал по-своему очень сильные стихотворения: “Ты долго ль будешь за туманом...” (1866), “Напрасный труд – нет, их не вразумишь...” (1867), “Два единства” (1870) и др... В большинстве же своем политические стихи Тютчева, по сути дела, и не претендовали на “художественность” [6]. Поэтому ошибочность указанного ограничения идет еще глубже. Дело в том, что экзистенция Империи как характеристика целостной личности и народа ни в коем случае не сводится к их политическим или даже историософским взглядам, но глубоко входит во все их мировосприятие. Поэтому самую глубинную сущность экзистенции Империи следует искать как раз не в “политических” стихотворениях поэта, а в его “вершинных” творениях, в которых он раскрывает свое переживание вечных устоев бытия – Космоса, Народа, Правды и своей обращенности к Богу. Именно в этих стихотворениях и в их смысловой соотнесенности между собой следует искать “формулу” души и духа имперской личности и народа. А стихотворная реакция на исторические события в конечном счете оказывается лишь проявлением этого глубинного мироощущения.

Поэтому правильный подход к исследованию “формулы России” у Ф.И. Тютчева избрал современный православный философ А.Л.Казин, начиная его с герменевтики стихотворения “Два голоса” (“Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...”), в котором ничего не говорится ни о России, ни об истории вообще, и которое даже принято считать выражением “неязыческого” мироощущения у Ф.И. Тютчева. В действительности же, как справедливо отмечает А.Л. Казин [7], “неязыческое” мироощущение, представленное первым “голосом” в душе поэта – это тот соблазн, который преодолевает человеческий дух на пути к своей подлинной взрослости, к совершенству. Античные “боги” здесь – не более чем литературный символ неизменных мировых сил, порабащивающих человека постольку, поскольку он остается земным, смертным существом. Но второй голос во второй части этого стихотворения свидетельствует о возможности высшего предназначения человека – служении высшей, неотмирной Истине, благодаря которому человек вырывается из

под власти мира сего и смерти, обретая свою подлинную, вечную, а не иллюзорную свободу. Таков экзистенциальный горизонт и исток поэтического мира Ф.И. Тютчева, определяющий, в свою очередь, и его видение мировой истории, и место России в ней.

Служа вечной, неотмирной Истине, человек перестает быть простым игрищем мировых стихий, но поворачивается к Миру своим Лицом, приобретая уникальный опыт свободы, которого нет у человека дохристианской и доимперской эпохи. В стихотворении “Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...”, образно и по смыслу тесно связанном с тем, о котором говорилось выше, явлено то “первособытие”, которое ставит человека лицом к лицу с Миром, делает силой, равномошной мировым стихиям. Это первособытие Истории как особой реальности, проблематизирующей устойчивость неизменного Космоса, сотрясающей “скрепы бытия”, заставляющей человека постоянно делать выбор. Человек, устоявший в “минуты роковые” благодаря выбору того, что не подвержено воздействию времени и превратностям судьбы, высшей Ценности, ради которой стоит жить – “пьет бессмертие” из чаши “богов”, иначе говоря, сам становится равновеликой силой по отношению к естественным природным и историческим процессам, способной менять их по своему усмотрению, в соответствии со своими ценностями. Пользуясь античной образностью, поэт говорит, что победитель “богов” мира сего “пал, побежденный лишь Роком”, однако не стоит спешить с выводом о “неоязычестве” поэта, ведь здесь лишь соблюдена логика этой образной системы и не более того. “Рок” в этой системе, как известно, означает высшую непознаваемую силу, правящую “богами” мира сего, Космосом и людьми. Поэтому в стихотворении говорится именно о том, что победа над силами сего мира возможна исключительно путем подчинения высшей, неотмирной Силе. Какова же она для поэта? Об этом Ф.И. Тютчев недвусмысленно говорит во многих своих стихотворениях, но особенно в строфе, под которой не мог бы не подписаться каждый христианин: *“Пускай страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые, – / Душа готова, как Мария, / К ногам Христа навек прильнуть”*. “Страсти роковые” побеждаются только жизнью во Христе – тем самым, здесь, очевидно, преодоление Ф.И. Тютчевым античной образно-символической системы, где Рок был высшей силой. С другой стороны, и опустошенность души человека Нового времени, по Ф.И. Тютчеву, преодолевается только возвращением ко Христу: *“Растление душ и пустота, / Что гложет ум и в сердце ноет, – / Кто их излечит, кто прикроет?.. / Ты, риза чистая Христа...”*

Знаменитое “космическое чувство” в поэзии Ф.И.Тютчева отнюдь не выводимо из восторженно-языческого созерцания Космоса, ибо в нем акцентировано особое личностное переживание, не знакомое язычникам, позиционировано Лицо, равновеликое Миру – благодаря своей причастности Неотмирному. Лицо человеческое, окруженное “пылающей бездной” тварного бытия (где первоизданный “родимый” Хаос то и дело прорывается сквозь поверхность Космоса-“грезы”), и одновременно проваливающееся в невысказываемую бездну в самом себе (“Silentium!”) – это уже не языческая душа, живущая в органическом единстве с благолепным Космосом. Это библейская душа, взывающая к своему Творцу из

бездны, мерцающая на тончайшей грани вечного бытия и вечного небытия. В свою очередь, “разлад” между “мыслящим тростником” человеческого Я и гармонией Космоса – это особое мироощущение, рожденное Христианством. Такое мироощущение требует особого мужества – и само воспитывает его в людях, – ибо перед гармонической бесконечностью Космоса, его “миротворной бездной” любое Я, даже самое сложное и сильное, не может порой не казаться лишь “нашей мысли обольщением”. Поэтому теперь человек находит опору не в силах внешнего мира, а в “бездне” своей души, воспринявшей высшее призвание: *“И, как виденье, внешний мир ушел... / И человек, как сирота бездомный, / Стоит теперь и немощен и гол, / Лицом к лицу перед пропастью темной. / Ни самого себя покинут он – / Упразднен ум, и мысль осиротела – / В душе своей, как в бездне, погружен, / И нет извне опоры, ни предела...”* Именно это “трагическое одиночество в мироздании” [8] и составляет ту особенность “космического чувства”, которая уникальна для поэтического мира Ф.И. Тютчева. Благодаря ей особое мистическое переживание “все во мне и я во всем” – у Ф.И. Тютчева не высшее блаженство и умиротворение, как это было бы для язычника, но источник “тоски невыразимой”, ибо для души, воспитанной Христианством, “всего” в этом мире уже бесконечно мало, ибо она рождена свыше и знает Неотмирное.

Именно это библейское, а отнюдь не языческое, своеобразие мироощущения Ф.И. Тютчева лежит и в основе его историософии, его имперского сознания. Однако, сначала стоит кратко остановиться на античных истоках имперского сознания – именно для того, чтобы затем лучше понять особенность тютчевского понимания истинной Империи как Православного Царства. Наиболее важной и специфической чертой имперского духа в поэзии Ф.И. Тютчева является та, которая рождена христианским пониманием подлинной Империи как Православного Царства. Именно это понимание в своей не догматической, но утонченно-поэтической форме манифестировано в гениальном стихотворении “Эти бедные селенья...” В нем имперское призвание русского народа осмыслено и пережито не в историософских абстракциях, но путем подлинного наития, мгновенного прозрения в то, что являет нам “грубая плоть” его конкретно-исторического бытия. Смысл стихотворения чрезвычайно прост и именно поэтому вызывает недоумение у читателей, отчужденных от традиционного народного сознания. “Бедность” селений, “скудость” природы и соответствующее им “долготерпение” тягот земного бытия как основная нравственная черта народа понята здесь не как “естественно-исторические” и природные факторы, но как духовные категории, явственно свидетельствующие об особой направленности исторического бытия народа, конкретно выраженной в выборе именно таких условий и такого подвига. Естественно, что этот путь и выбор сущности национального бытия не могут быть обоснованы только отчужденно-рассудочным способом (хотя рациональные аргументы выбора при этом несколько не отрицаются), но по существу они суть результаты и дары подвига – поэтому к ним можно лишь свободно и героически приблизиться, но отнюдь не взять и усвоить их как нечто данное и готовое. А это приближение есть всегда результат нравственного выбора и особого духовного прозрения человека, не способного ограничивать свою жизнь исключительно

прагматическими целями, но чающего своего высшего призвания. В сюжете стихотворения этот закон духовного бытия человека и нации выражен одним немислимо емким словосочетанием о способе того прозрения, о котором было сказано выше, – “тайно светит”. Тайное свечение – это тот способ явленности самых глубоких законов бытия, которые определяют подлинное бытие человека, в отличие от неизменной навязчивости повседневных “фактов”. “Гордый взор” человека, желающего, чтобы ему все было обеспечено и дано, не соответствует подлинному человеческому бытию, а потому он “не поймет и не заметит” самого главного, для чего стоит жить. Тем самым Россия здесь показана именно как страна, в максимально неприкрытой и потому особо беззащитной форме являющая извечные законы общечеловеческого бытия.

Выбор смиренного долготерпения как сущности национального бытия, естественно, не может произойти на каких-либо иных основаниях, кроме православно-христианских. А поскольку сама способность к смиренному несению своего креста всегда есть дар благодати, то образ Царя Небесного, ходящего по Русской земле и благословляющего ее на этот подвиг, имеет в стихотворении отнюдь не условно-метафорический, а подлинный духовно-реалистический смысл. И Царь Небесный ходит по Руси именно “удрученный ношей крестной”, тем самым путь Руси и русского народа прозревается как подобие пути Христа на Голгофу. (Весьма важно и то, что само слово “долготерпение”, характеризующее у Ф.И. Тютчева основную нравственную черту русского народа, взято из языка Св. Церкви, именующей Христа “долготерпеливым”). Соответственно, имперское призвание русского народа, по поэтическому прозрению Ф.И. Тютчева, основано не на силовом самоутверждении и корысти (“на Западе империя всегда была основана на грабеже и узурпации власти” [9], – писал поэт в одном из своих трактатов), но наоборот, – на том, что русский народ способен к большему смирению, чем другие. И не просто смирению, а смиренному несению света Истины в мир, которое не может по своей сути не быть подобным крестному пути на Голгофу. Как писал об этом стихотворении известный русский философ С.А. Аскольдов, в нем Ф.И. Тютчев “понял, что это долготерпение было не простое усилие воли... но именно крест, носимый во имя Христа и мистически сливающийся с Его крестной ношей... Да, слово “рабская” не было позорной кличкой для России былых времен, поскольку это рабство как-то отождествлялось с “рабским видом” Христа. И эту тайну слияния если не понимало, то, несомненно, чувствовало народное сознание” [10]. В свою очередь, неизменная трагичность и катастрофизм русской истории свидетельствуют как раз о том, что русский народ не изменяет своему подлинному призванию. Таким и должен быть путь Православного Царства как истинной Империи, в отличие от западных лжеимперий, основанных на принципе корысти.

Благодаря художественному совершенству и глубине прозрения в логику бытия русского народа рассмотренное стихотворение с полным правом может быть названо “несравненным по своему духовно-историческому значению” [11]. Логика духовных явлений, к числу которых относится и Православная Империя (а ее эмпирическое бытие может быть далеко не адекватным своей духовной сущности, о чем почти с отчаянием писал Ф.И. Тютчев в своих письмах), эта логика не может

быть логикой приземленного ума и корыстного рассудка, но открывается только в целостном познании всего духовного разума человека, формирующегося на основе смиренного служения Истине, что возможно только в единстве с соборным сознанием св. Церкви. Именно об этом – знаменитое стихотворение “Умом Россию не понять...” Действительно, “умом” в нем назван тот приземленный, гордый и корыстный рассудок, которым привыкли смотреть на Россию европейцы и местные либералы. Но это не тот “орган”, которым модно понять духовно-историческое предназначение России. Здесь требуется именно та действенная вера, в которой рассудок соединен с нравственным чувством и целостным духовным познанием исторических явлений. “В Россию можно только верить” – в первую очередь в том смысле, что цель и сущность исторического бытия России как Православного Царства не дана нам как нечто готовое и неизменное, но задана как предмет и цель постоянных усилий, как особый подвиг несения креста Правды в мир, составляющий суть подлинного имперского бытия. Как известно, “вера без дел мертва есть”, вера есть деятельный подвиг, ежемгновенное свободное усилие, а отнюдь не состояние пассивной созерцательности. И только на основе такой веры, говорит нам Ф.И. Тютчев, и возможно бытие России, достойное ее подлинного призвания.

Экзистенциальной противоположностью подлинной Империи являются не только корыстные лжеимперии Запада, но и национальные государства, озабоченные исключительно достижением материального “процветания”, своим комфортом и безопасностью. В обоих указанных случаях суть этих государств – не в служении Богу и его вечной Правде, но “Маммоне” и своему эгоизму. Поэтому борьба православной Империи со своими врагами в экзистенциальном плане предстает как борьба Добра и Зла, сил Света и сил Тьмы, совершенно независимо от личных качеств и личных целей людей, которые в ней участвуют с обеих сторон. Отсюда столь эсхатологичное восприятие Ф.И. Тютчевым достаточно локального явления – польского восстания 1863 года:

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!..

О, край родной, такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Не менее характерно высказывание Ф.И. Тютчева в одном из писем той поры: “Какое, однако, жалкое отродье эти поляки, несмотря на всю их храбрость” [12]. Такое высказывание, на первый взгляд, может показаться оскорбительным по отношению к полякам вообще, а тем более, по отношению к участникам восстания, именуемого национально-освободительным. Однако, на самом деле, это было

восстание шляхты, боровшейся за свои привилегии, т.е. фактически из-за корыстных побуждений, прикрытых “патриотической” риторикой и с самого начала основанной на предательстве – расчете на помощь Запада. Именно эта неспособность к имперскому служению высшим ценностям, эта погруженность в корпоративно-эгоистические интересы (в том числе национальные) и вызывает такое нравственное отторжение у Ф.И. Тютчева. В основе бытия Православного Царства как единственной истинной Империи лежит принцип “священной правды-справедливости” (А.С. Панарин), не только допускающий, но и обязывающий подавлять любые эгоистические и корпоративные интересы сословий и малых народов, входящих в ее состав. Однако, в отличие от лжеимперий Запада, изначально основанных на корыстном насилии, для православной Империи такое подавление имеет исключительно вынужденный, оборонительный характер. Его стараются избежать до последней возможности (например, в той же Польше все сословия имели больше прав и свобод, чем в остальной Империи), поскольку любое, даже справедливое, насилие разрушает основной принцип истинной Империи – принцип свободного единения. Православная Империя не создавалась и в принципе не может существовать на основе насилия, но только на основе добровольного принятия подвига имперского служения всеми входящими в нее народами. На этом подлинном типе имперского сознания основан ответ Ф.И. Тютчева тезису Бисмарка, высказавшему тайную суть западных лжеимперий, не только германской:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...

Падение Православного Царства, как известно, произошло не из-за его слабости (наоборот, материально оно на тот момент было сильно, как никогда ранее), а из-за отказа применить силу к народу, в котором иссякала подлинная христианская любовь и понимание своего земного предназначения. Поэтому не стало никакого смысла поддерживать Империю силой. Этот выбор последнего русского Царя полностью соответствует смыслу цитированной строфы Ф.И. Тютчева. Свобода жертвенного служения высшим ценностям и защиты самой Истины в ее земных воплощениях; свобода, предполагающая суровую самодисциплину, требующая особой культуры души и духа, – эта *имперская свобода* противостоит западному представлению о “свободе” как инфантильном потакании своим эгоистическим интересам и прихотям, и ненавидящем все, что этому препятствует. Когда же последнее начинает доминировать в сознании широких масс и правящей элиты, Империя неизбежно погибает.

В поэзии Ф.И. Тютчева есть несколько острых эпиграмм, характеризующих этот новый тип людей, утративших представление о подлинной свободе – свободе жертвенного служения святыням. Например: *“Напрасный труд – нет, их не вразумишь, – / Чем либеральней, тем они пошлее, / Цивилизация – для них фетиш, /*

Но недоступна им ее идея". Исходная "идея" любой цивилизации – воплощение и защита определенных ценностей; но появляется тип людей, для которых цивилизация – это только готовый набор средств для комфортной жизни и не более того, т.е. примитивный фетиш. Отсюда – особое лакейство духа: *"Куда сомнителен мне твой, / Святая Русь, прогресс житейский! / Была крестьянской ты избой – / Теперь ты сделалась лакейской"*. Естественно, здесь речь идет уже не о Святой Руси, а о том, что возникает на ее месте, – той "мерзости запустения", которая неизбежно водворяется при утрате высших духовных ориентиров жизни, которые культивировались в крестьянской избе, но недоступны сознанию "цивилизованного" лакея.

Более того, столь же нелюбезную оценку Ф.И. Тютчев позволяет себе и по отношению к личности царя Николая I, даже несмотря на то, что этот человек являлся живым олицетворением имперского государства: *"Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые и злые, – / Все было ложь в тебе, все призраки пустые: / Ты был не Царь, а лицедей"*. Однако нельзя не заметить, что столь суровая оценка стала возможной именно вследствие применения к личности царя высочайших критериев оценки, свойственных имперскому сознанию Ф.И. Тютчева, и была бы неуместна, если бы этот человек не был бы императором. Тем самым, имперское сознание не имеет ничего общего с рабством духа, но как раз наоборот, культивирует свободно-ответственное отношение к любому человеку, в том числе и к монарху, причем к последнему это отношение – самое строгое, ибо на нем лежит самая большая ответственность перед своим народом. Но и наоборот, столь же строгое отношение человек Империи обязан иметь и к себе, ко всем своим поступкам, поскольку от них в конечном счете прямо зависит судьба государства. Этика жертвенного служения была в высочайшей степени развита у самого Ф.И. Тютчева и проявилась в его деятельности как дипломата. Эта глубоко народная черта характера Ф.И. Тютчева составляет дух его политической и историософской лирики.

Краткое исследование нашей темы позволяет сделать вывод о том, что, хотя стихотворения Ф.И. Тютчева, отражающие его имперское сознание, и не относятся к числу его "вершинных" творений, тем не менее их значимость для не только для истории русской литературы, но и для русской социокультурной идентичности и православного исторического сознания трудно переоценить. Благодаря им, читатель живо воспринимает сущность того государственного сознания, которым русский народ жил на протяжении многих веков и которое во многом определило ход его истории и развитие его культуры. Более того, в этих стихотворениях содержится и огромный общезначимый потенциал нравственного воздействия, не позволяющего человеку быть поглощенным стереотипами глобальной "цивилизации потребления", несущего в себе урок глубочайшей ответственности за судьбу своего народа, урок, безусловно, ценный и для других народов и культур.

Список литературы

1. Флоровский Г. Исторические прозрения Тютчева // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – С. 234.
2. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 117.
3. Окара А. В поисках имперской перспективы // Независимая газета (Содружество НГ). - 2000. - 25 октября. - С.9.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х кн. Книга 1. - М.: Искусство, 1992. - С. 409-410.
5. Гаспаров М.Л. Вергилий, или поэт будущего // Гаспаров М.Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 144.
6. Кожинов В.В. Пророк в своем отечестве Федор Тютчев. - М.: Изд-во Эксмо, 2002. - С. 464.
7. Казин А.Л. Формула России (к двухсотлетию со дня рождения Федора Тютчева) // <http://www.sobor-spb.ru/members/kazin/tutchev.htm>
8. Сухих И.Н. «От жизни той, что бушевала здесь...» Ф.И.Тютчева // Анализ одного стихотворения: Межвуз. сборник. - Л.: Изд. ЛГУ, 1985. - С.190.
9. Цит. по: Флоровский Г. Указ. соч. – С. 227.
10. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд. МГУ, 1990. – С. 41.
11. Кожинов В.В. Указ. соч. - С. 362.
12. Тютчев Ф.И. «И верит сердце в правду и любовь...» (Тютчев в письмах к жене Эрнестине) // Наш современник. - 2003. - № 12. - С. 89.

Поступило в редакцию 26 апреля 2005 г.